

18+ ~~К~~семую Бакланов

На границе зеркала

Балтийские грёзы. Часть 2

Ксемуюм Бакланов
На границе зеркала.
Балтийские грёзы. Часть 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17194873
ISBN 9785447452322

Аннотация

Это вторая из четырёх книг романа, активно наполненного ссылками на события последних двух десятилетий. Глазами человека, выдавшего виды. Человека с явно авантюристическим взглядом на жизнь, постепенно трансформированным в глубокое убеждение незыблемости законов трансерфинга, описанных в одноимённых трудах Вадима Зеланда. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Шесть лет, как один день	5
Очень скучная глава (можно не читать)	15
Время стирает краски, время меняет маски	18
Россия конечно не Турция, но...	23
Дела давно минувших дней	27
Женя и Костя, что же будет дальше?	33
Так вы, оказывается, совсем работать не умеете!	39
Хочешь хлеба – иди в свой магазин	42
Ну что, сынок, Бери свои вершины	45
Как же трудно убежать от себя. Тренируешься, тренируешься, а всё равно дыхания не хватает	49
Начало положено, каков же будет финал?	56
О-о, как всё у вас тут запущено!	62
Легко придание	67
Собака берёт след	75
Конец ознакомительного фрагмента.	79

На границе зеркала Балтийские грёзы. Часть 2

Ксемуюм Бакланов

© Ксемуюм Бакланов, 2017

ISBN 978-5-4474-5232-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Шесть лет, как один день

– Юрий Михайлович, Вы сегодня такой одухотворённый, как Илья Муромец после очередного подвига.

– А я не могу без подвигов, как только проснусь, сразу двигаю чем-нибудь в чём-нибудь.

– Ой, ну Вы и юморист, постоянно в краску вгоняете.

– А почему ты считаешь, что я шучу? Да и краснеешь совершенно не к месту. Я уже целую неделю утро начинаю с прочистки канализации, похоже, ребята из ЖЭКа решили, что у них на общественных началах появился ещё один сантехник. Кстати, то, о чём ты краснеешь, я делаю вечером, но иногда и днём растёт давление, хоть не смотри по сторонам.

– Интересно, а что именно? Вы ведь целыми днями, как заводной, с места на место гоняете?

– Ну вот, ты задаёшь очень правильный вопрос, что по дурному гонять, надо с пользой для дела и тела, поэтому предлагаю и тебе подумать над ответом, а когда вариант будет найден, доложить.

Я посмотрел на Валентину – красивую, молодую женщину, с прекрасными формами и обворожительной улыбкой, мне стало жаль её, она лихорадочно прикидывала, как бы позадиристей ответить на всё, мною сказанное.

– Да шучу я, не бойся.

– Ой, боюсь, боюсь, боюсь! На самом деле очень жаль, что Вы шутник, мне в голову уже приходят занятные идеи, думаю, если ещё и Раиса с Викой подключатся, то ответ точно будет найден, – при этом Валя улыбнулась, сразу видно, что она знает, каким оружием обладает.

– Ну вот и чудненько, ищите. Только быстро, до обеда всего три часа и если не найдете, то придется идти на сторону, а это всё равно, что повару ресторана ходить обедать в дежурную столовую.

– Сейчас накормим повара, Вика говорила, что у неё есть клубничка, правда консервированная.

– Сгодиться, но с молоком..., из первоисточника.

Из дверей директорского кабинета вышла Раиса.

– Юрий Михайлович, где тебя носит, давай быстрее заходи, есть идея, жду уже битый час.

– Ну что там случилось, неужели у нас будет ребёнок?

– Будет..., потом..., а сейчас нужны деньги и по-моему есть вариант их заработать.

– Заработать...? Заработать и дурак может, надо, что бы так дали, – я зашёл в кабинет.

Весь этот утренний трёп проходил в офисе фирмы «Ноян Топан», спустя шесть лет после моего приезда из «польского вояжа», описанного в первой книге. Рая – это никто иная, как девушка армянка, с которой волею судьбы нас свёл случай в офисе компании «Руслан Фрахт». За это время много воды утекло и теперь мы с Раисой друзья.

Она директор и учредитель этой компании, занимающейся консалтинговыми услугами в сфере трудоустройства, а я в тот момент был у неё менеджером по работе со строительными кадрами, хотя никак не ощущал себя сотрудником. Наверное, потому, что давно не работал в связке, всё больше в одиночку и особенно после «Руслан Фрахта», – фирмы, оставившей неизгладимый след в наших с Раисой судьбах.

Кое-кто мог бы сказать, что мы друзья по несчастью и был бы прав, так оно и было на первых порах, но потом всё переросло в настоящую привязанность на общечеловеческом уровне, в крепкие дружеские отношения.

Закрыв за собой двери кабинета, достаточно уютного и просторного для фирмы совсем небольшого масштаба, я уселся за стол и вопросительно глянул на Раю, понимая, что у неё, очевидно, есть что-то действительно стоящее, давно не видел такой озабоченности и возбуждения на лице.

– Мне предложили участие в строительстве нового торгового комплекса, который строится прямо возле центрального рынка, он будет называться Акрополем.

– И всё? Да таких предложений миллион ежедневно. Сейчас, кто только не предлагает работу на подобных стройках. Никто, правда, не идёт, но это уже совсем другая история, оно и понятно, кому охота вкалывать бесплатно.

– В том то и дело, «кто только не предлагает». Мне же предложили непосредственно заказчики, один из которых, мой земляк и нет никаких оснований думать, что столь

безбедные люди будут пытаться отжать нами заработанные деньги.

– Эх, Раечка, поверь моим сединам, эти безбедные люди потому и небедные, что отжимают всё, до чего могут дотянуться и для них, как правило, мелких сумм не бывает, в этом весь секрет их успеха. Другое дело, что это совсем не обязательно при определенных условиях, например в начале строительства, когда страсти и так накалены до предела. И в этом смысле есть резон поискать кадры, хотя туда на котлован зашла достаточно серьёзная компания, я обратил внимание на это, не так давно проходя мимо. Там сейчас работает, наверное, человек двести специалистов, я думаю у них есть свой отдел кадров и в этой связи никак не пойму, как мы могли бы всунуть свои гнутые пять копеек, ну разве, что в порядке безвозмездной помощи.

– Ты не понял, мне предложили поучаствовать, как субподрядчику.

– А-а, ну да.... Сейчас возьмём со своих складов свою опалубку, выведем из своих гаражей свои механизмы, там не надо много, штуки три автокрана и один мостовой, ну и разного инструмента немного – мотопомпы, перфораторы, турбины, электропилы, для начала штук по двадцать каждого, думаю, что вполне хватит для небольшого объема. И поскольку у нас есть строительная лицензия, ничто не помешает приступить уже завтра. Ах да, забыл, пиломатериалы, кубиков сто, не больше, но это совсем уж мелочи.

– Вот ты любишь портить настроение с утра, ну прямо мастер спорта по этому делу, выражаясь твоими же терминами. Мне предложили выполнять не очень квалифицированные работы, такие, как разработка грунта вручную. Раскапывать мини котлованы под ростверки, траншеи под дренажную систему, дорабатывать основной котлован вручную, где будет необходимо, словом быть на подхвате, но за очень приличные деньги в пересчёте на куб грунта.

– Всё это, как правило, выполняют экскаваторы, а когда уже невозможно, то продолжает мини техника типа бобкетты. Они посчитали, что вручную будет дешевле? Я бы никогда не наступил на эти грабли, время тоже деньги и если кто-то этого ещё не знает, то вдвойне стрёмно иметь дело с такими заказчиками.

– Да нет же, тут грунты сложные, по какой-то там шкале предпоследние в списке, техника вязнет и кроме огромных карьерных экскаваторов, которыми был сделан котлован, ничто не сможет зайти в это болото. И еще один казус, генпродрядчик умудрился отрезать огромный кусок котлована, залив ростверки в две линии посередине и сделав непроходимой для техники эту часть вообще, если только ни произвести обратную засыпку.

– Значит надо второй съезд в котлован делать, что тут особенного, чай ни в европах живём, продумывать сегодня на завтра.

– С той стороны лежит какой-то очень дорогой теле-

коммуникационный кабель федерального значения, причём у самого края, осыпающегося ежеминутно. Они дежурят по очереди, глядя на этот кабель и боясь на него дышать. И вообще, Юра, зачем нам думать, что им делать, давай будем думать, что делать нам. В наших сегодняшних условиях тотального безденежья, это реальный способ приподнять штаны и хоть как-то выйти на скорый новый год с надеждами на просвет.

– Дело вообще-то знакомое, фирма как раз этим и занимается. Набрать копателей из числа желающих получать ежедневную оплату из расчёта отработанных часов, только так туда можно загнать наших аборигенов. Потом взять где-то денег на месяц вперёд, что бы, как в цирке тиграм мясо, раздавать местным бичам деньги за всевозможные пируэты и кульбиты, но и это ещё семечки.

– А что же тогда по-твоему, не семечки?

– Кто этим всем будет руководить – вот вопрос вопросов. Как я понимаю, это должен быть, как минимум Суворов Александр Васильевич, хотя конечно лучше Сталин Иосиф Виссарионович.

– А я почему то считала, что это может быть Бондарев Юрий Михайлович.

– Теперь я понял, ты смерти моей хочешь, дескать, зачем тебе мучиться остаток лет. Пожил своё – сливай воду. Нет, Раечка, давай искать Сталина, он в боях проверенный товарищ.

Вот так начиналась эпопея моего постепенного входа назад, в строительный бизнес, пути к которому я сам себе отрезал когда-то, будучи ещё на Украине. Для Раисы это было новое приключение, сулящее кроме приобретённого опыта ещё и денег, в случае, если всё выгорит. Для меня же, всё выглядело гораздо сложнее. С одной стороны, – деньги действительно лишними не бывают, с другой, – не хотелось нарушать свои принципы, один из которых состоял в том, чтобы дважды не входить в одну и ту же реку. Другой принцип, – держать табу, однажды возложенное на себя, всегда и всюду.

Для людей моего склада – это жизненно необходимый принцип, иначе гибель. Одно из таких табу был отказ от любого вида строительной деятельности. Хотя этот отказ был продиктован какой-то детской обидой на судьбу, по-другому и не скажешь, обидой за несостоявшиеся мечты. Это совсем не то табу, благодаря которому, я не сажусь больше пьяным за руль, или не играю в карты на деньги. Это просто досада, засевшая глубоко в сердце и ждавшая своего высвобождения. В конечном счёте путного из этого ничего не могло и быть, так как не только строительного образования, но самое главное, никакого желания двигаться в этом направлении, кроме, как рвануть побольше денег, не было вообще. Мало того, всё, связанное со стройкой, вызывало приступ неудержимой зевоты, что было явным индикатором «не моего», короче говоря, это не было делом моей жизни, уж простите за пафос.

Мы не стали с Раисой долго мусолить вопрос о том, кто же всё-таки будет осуществлять руководство работами на Акрополе, тем более, что пока и рабочих не было. Поэтому Валя, Вика, Раиса и я – то есть вся наша команда, дружно схватились за телефоны и начали обзванивать номера претендентов. Принцип был таков – на двадцать тире двадцать пять человек найдется один нормальный, то есть способный принести пользу себе и нам. Искать надо было быстро, так как ответа от Раисы ждали уже через день.

Для меня работа на телефоне была привычна, я почти год занимался ею в составе «Руслан Фрахта» и, как однажды меня обозвала директор Тамара Никифоровна, был практически главным менеджером по морским кадрам, вплоть до полного развала фирмы, (на память пришел эпизод из небезызвестной кинокомедии – «нет, это не я её развалил»). История «Руслан Фрахта» долгая и запутанная, я ни раз буду касаться тех событий, сейчас лишь скажу – это просто какое-то счастливое стечение обстоятельств, что все действующие лица того проекта такие красивые и румяные, но что самое главное – до сих пор на свободе.

На самом деле это стечение обстоятельств имело своё имя и фамилию и было ни кем иным, как одним из числа самых высокопоставленных чиновников Калининградской области, по совместительству бывшим мужем Тамары и отцом двух её дочерей.

Получив вводную от Раисы я позвонил Ясе и вкратце об-

рисовал проблему. После этого точно так же озадачил и его двоюродного брата Аслана. С этими двумя чеченцами у меня были весьма дружеские связи, мы иногда встречались в тесном кругу за бутылочкой красного марочного вина, зачастую пыхнув чего-нибудь экзотического. Яса очень сильно играл в шахматы и мы с Асланом, попеременно меняя друг друга, играли с ним, даже не замечаящим нашей смены и лишь на мгновение задерживающим взгляд на доске после очередного хода. Кроме того, у нас были интересы, которые в некотором смысле можно было бы назвать общими. Здесь, в Калининграде, они были для меня оазисом, теми людьми, кому я мог бы излить душу, не боясь, что меня потом кто-то подтянет за слово.

Ещё один звонок я сделал своему земляку Александру Черноволу по прозвищу Деникин. Нас познакомил мой товарищ в Никополе, дав мне адрес своего одноклассника, который на то время уже двадцать лет жил в Калининграде. И вот, скоро пять лет, как мы дружим с ним и тоже немало водочки попили, да и много чего другого начудили.

– Саша, привет дорогой, как ты там поживаешь, что не звонишь?

– Привет Юрок. Дела по делам, а деньги по карману.

– Слушай, мне люди нужны человек тридцать не меньше. Манушак предложили работу на Акрополе. Может подсобишь?

– Да где ты сейчас возьмёшь столько, их обычно годами

надо собирать, я имею в виду тех, кто умеет работать, вокруг один хлам, все нервы на них вымотаешь. А какая работа, у вас же нет лицензии? Там сейчас монолит и ещё долго ничего другого не будет.

– Нужны разнорабочие, копать котлованы под ростверки.

– Тебе проще договориться с воинской частью, хотя работники из солдат никакие, на безрыбье иногда я пользовался их услугами. Ты в курсе, что я зацепился с девочками, которых ты мне подогнал, целую неделю зависал у одной, ели вырвался, мужики из бригады уже не знали в какой розыск подавать.

– Ну что ж, седина в бороду..., а что тебе Ленка сказала за недельное отсутствие?

– Ой, это было страшно, думал убьёт, но обошлось без крови, хотя до сих пор не разговаривает. Слушай, есть идея, тут у меня по соседству снимают квартиру белорусы, хочешь я дам твой телефон, может договоритесь, хотя ребята бухают, как я посмотрю, каждый день.

Очень скучная глава

(можно не читать)

Словом, на послезавтра от моих трёх звонков было человек пятнадцать – двадцать, ну и с офиса столько же, не меньше, что по меркам любого кадрового подразделения за один день – было просто подвигом.

Нашлось так же и двое прорабов, пожелавших всё это дело возглавить, которые пришли утром, на одно и то же время. Но довольно быстро выяснилось, что ни к чему подобному способностей у них нет и тогда каждый из них изъявил желание присоединиться к группе копателей, что было неудивительно, так как оба пришли на встречу пешком из-за отсутствия денег на автобус.

Говоря о тех, кто был среди рабочих, то объединяло их всех лютое безденежье, существование на грани между воровством и мусорным контейнером, вот такое невесёлое было время. Соответственно, оно вводило свои коррективы в последующие шаги по приведению этой разношерстной публики к общему знаменателю.

Работы предстояли весьма и весьма непростые с той точки зрения, что сейчас, как никогда, на одного раба нужно было бы два прораба, чтобы проконтролировать необходимую отдачу от каждого в отдельности и если кто-нибудь не справ-

лялся, вовремя его менять, что бы не уводил в минус, а заодно не создавал прецедент такой неэффективной работы.

Всё это, как правило, приводило к конфликтным ситуациям, вплоть до мордобоя, что, как вы понимаете, мне было совсем уж ни к чему. Но ничего не поделаешь, заниматься разными методами убеждения и принуждения приходилось именно мне, так как Сталин то, оказывается, умер ещё в пятьдесят третьем году, а Суворов, так тот ещё раньше.

Конечно же, главным принципом был принцип «деньги – стулья», только стулья вперед. Поэтому в конце дня каждый сразу же видел итог своей работы. С одной стороны это подстёгивало нерадивых, но и создавало дополнительные трудности, многие на утро оказывались не в состоянии лыка вязать, это всё-таки матушка Россея, хоть и в середине Европы. Как бы там ни было, где-то через полторы – две недели основной состав достаточно чётко обрисовался. К этому времени я потерял около десяти килограммов чистого веса и приобрёл пару – тройку десятков злопыхателей, которые с огромным бы удовольствием меня замогилили, попадись я им в тёмном месте, в пьяном виде.

За глаза меня называли Фрицем, наверное из-за очков, ставших моим непременным атрибутом, ввиду резко ухудшающегося зрения, а также манеры смотреть на работающих с самой высокой точки, куда я забирался для того, чтобы видеть вся и всё. Оттуда, как на ладони, можно было просматривать весь фронт боевых действий, как сказал бы ле-

гендарный комдив Василий Иванович Чапаев и покрикивать на особо нерадивых, в стиле кинофильмов про фашистов, охранявших концлагеря. Приходили даже в офис жаловаться Раисе на злого очкастого изувера, ничего человеческого не имеющего за душой.

За три месяца работы, я очень сильно сдружился с руководством генподрядчика, прорабы и мастера были настроены ко мне весьма благожелательно, так как от моей успешной работы во многом зависела скорость продвижения всех монолитных работ на уровне котлована.

По концу нашей миссии директор фирмы, Малхаз Давыдович, предложил мне перейти к нему мастером с довольно внушительным белым окладом, несмотря на отсутствие специального образования, что открывало пути к получению солидного кредита в каком-либо банке, они только-только начали внедряться в обиход российских граждан. Я соврал, что имею определённые обязательства перед своим руководством и пока не могу принять предложение, тем самым, оставив за собой право воспользоваться им попозже, в случае, если не будет получаться совместной работы с Раисой.

Время стирает краски, время меняет маски

Отработав на Акрополе, мы поимели очень неплохие деньги, а я увидел новые горизонты и избавился от строительной фобии, начав всерьёз задумываться над продолжением деятельности в этой сфере. За шесть лет произошло много такого, что напрочь изменило весь профиль моей жизни. Я принял российское гражданство и развёлся со своей второй женой Ириной, женившись в третий раз на женщине, которую полюбил всем сердцем, на моей Евгении.

Такой шаг всегда бывает очень трудным, так как с обеих сторон оставались разбитые сердца, нам обоим пришлось идти через слёзы, обиды и упреки. На Украине у меня жил сын Костя, по которому я очень сильно тосковал и Женя всегда подчёркивала важность того, что бы он в конечном итоге переехал в Калининград. Косте оставалось ещё два года школы, было решено, что после неё он продолжит обучение здесь. Мы ни разу не бывали у меня на родине вдвоём, никто из моих родственников Женю ещё не видел, поэтому она очень волновалась, тем более, что через несколько месяцев, в период летних отпусков нам предстояло ехать на Украину. Отца на тот момент уже не было в живых, он умер за два года до описываемых событий, как раз тогда, когда находясь

в Никополе, я делал развод с Ириной.

У Жени тоже всё проходило очень непросто, даже более драматично. Бывший муж и две взрослые дочери устроили ей серьёзные испытания, но в конечном итоге всё стало на свои места. На протяжении этих лет надёжной опорой нашему союзу неизменно были близкие друзья Раиса Львовна и Николай Петрович Никитины. Год назад Николай умер от инфаркта и Раиса совсем сдала, мы были вынуждены связаться с их дочерью в Америке и вскоре Раиса переехала туда, получив вид на жительство.

Женя оставила мужу однокомнатную квартиру, которую купила втайне от него. Ссылаясь на то, что квартира принадлежит мне, она тем самым закрыла тему материальной несостоятельности своего нового мужчины перед дочерьми, с которыми мы теперь жили вместе в её трёхкомнатной, другими словами я поменялся местами с бывшим мужем, как в прямом, так и в переносном смысле.

Теперь Оксана уже закончила университет и конечно же нигде не работала, Аня училась на четвертом курсе того же учебного заведения и, как мы все понимали, была следующим очередником за пособием по безработице, такова была цена диплома о высшем образовании того времени, да и сейчас практически ничего в этом смысле не изменилось.

Девочки постепенно приняли меня, где-то хоть и по-детски, но понимая, что я, как вариант, для мамы был куда лучше, нежели их родной папа, с его иждивенческой позиции.

ей и абсолютным безразличием ко всему происходящему вокруг, кроме того он пристрастился к рюмке и всё чаще пребывал в забытии. Ну что ж, это довольно распространённая манера поведения у людей, внезапно потерявших кормильца, коим для него долгие годы неизменно была Евгения. Дочери конечно же любили своего отца и часто бывали у него дома. Мы с Женей также поддерживали с ним дипломатические отношения и определённый статус КВО, да и вообще всё уже имело цивилизованный вид, страсти улеглись.

Тёмных красок в картину добавляло лишь полное отсутствие определённости, что до моей дальнейшей трудовой деятельности. Не имея постоянной работы, я всё же умудрялся зарабатывать деньги, и немалые. Таких денег мне бы никто не платил, находишь я даже на высоком окладе, не самой хилой должности в Калининграде, одним словом, в качестве кого бы то ни было или за какую-нибудь выполненную работу в общепринятом смысле. Конечно все мы понимаем, что работы бывают разные, как по уровню риска, так и по сочетаемости с уголовно-процессуальным кодексом.

Женя спала и видела, как я, законопослушный гражданин и ответственный налогоплательщик, иду на работу утром, выполняю поставленные задачи, а вечером, счастливый и усталый, сняв нарукавники, возвращаюсь домой прямо в её жаркие объятия и что самое главное, в субботу и воскресенье у меня выходной и мы идем в театр или на какую-нибудь выставку, или совсем уж на худой конец – в кино.

За все эти пять лет я ни разу не позволил себе быть вторым, то есть послушно выполнять волю кого бы то ни было, и как мне сейчас представляется именно потому, что являлся главой вновь образовавшейся семьи. Именно это было залогом стабильных отношений внутри, даже тогда, когда мы с Женей были ещё не расписаны. И конечно же всё окончательно стало по своим местам после нашего брака, теперь ни у кого не оставалось сомнений, что это всерьёз и надолго.

Я старался как можно реже, выступать с критикой кого бы то ни было из девочек, оставляя это на Евгению, хотя в самые ответственные моменты, иногда ставил свою жирную точку. Так было во время выбора факультета для Ани – меньшей дочери (я тогда настоял на юридическом), так было при решении продать Женин бизнес, который, на мой взгляд, по правдивой шкале «доход – расход», начал приносить минус. Так же и на этот момент, моё последнее слово, равно, как и первое, стало определяющим при решении отправить Оксану на курсы бухгалтеров, с последующим выходом на второе высшее, но уже экономическое образование.

Женя работала в торгово-промышленной палате Калининградской области и конечно же тосковала по тем временам, когда у неё был свой бизнес и она сама решала, что и как надо делать, потому что её не устраивало очень многое из того, что на самом деле происходило в стенах этой достаточно большой и авторитетной организации.

Она весьма напряжённо воспринимала мою дружбу с Ясой

и Асланом, не понимая, что у нас может быть общего, ведь «Руслан Фрахт» давно перестал существовать, а в совместные командировки к разным судовладельцам мы всё равно нет-нет, да и ездили, то в Санкт Петербург, то в Новороссийск и даже в Москву, где, как известно, нет никаких морей, со времен образования Евразийского континента.

Россия конечно не Турция, но...

Мое решение работать с Раисой было встречено с огромным удовлетворением и надеждой на счастливое будущее. Впрочем, последние три месяца работы на Акрополе несколько остудили Женину эйфорию и особенно, что касается нарукавников. Меня же устраивал конечный итог по завершению работ на этом объекте, хоть я и понимал, теперь при подборе подряда в будущем надо будет равняться именно на него, а это крайне затруднительно, так как армян в городе проживает хоть и немало, но недостаточно, чтобы Раиса каждый день могла находить среди них таких же щедрых заказчиков, каковым был Араик на Акрополе.

В любом случае, партнерские отношения с Раисой, было меньшее из зол, которые можно было выбрать на то время. Между нами были именно партнерские отношения, так как каждый имел свою долю, которая с учётом расходов на офис, других сотрудников и ещё кое-каких накладных расходов, была пятьдесят на пятьдесят.

Сложность заключалась в том шлейфе, который вился ещё с «Руслан Фрахта» и накладывал отпечаток на Раину фирму. Все вокруг и особенно правоохранительные органы, усматривали в ней продолжение все той же истории с обманом клиентов при помощи мошеннических схем и никак не признавали абсолютную непричастность её к делам Тама-

ры, да и я в офисе Раисы, как одно из главных действующих лиц того времени, в этой связи стабильности никак не добавлял.

Всё усугублялось ещё и тем, что она не имела гражданства, под всякими предлогами ей оттягивали процедуру его получения, мало того, при одном из двух обысков в офисе вместе с ничего не значащими бумагами изъяли её гражданский паспорт, что создавало вполне идиотский со стороны закона прецедент, когда у иностранца тупо изымают главный документ, не предъявив никаких обвинений, в то же время и не вернув его законному владельцу. Причём длилось такое своеобразное прочтение милицейских полномочий и компетенции ни много – ни мало, чуть более двух лет. Всё это время Раиса законопослушно платила налоги и вела прочую необходимую отчётность, лишний раз доказывая, что она-таки скорее есть, чем её нет.

Адвокаты, которых было в общей сложности трое, как могли, вели дело по возврату паспорта и вот, наконец, его вернули на базу, в большей степени, как мне кажется, из-за боязни, что подробности этой тяжбы станут известны широкому кругу людей, более – менее понимающих всю нелепость происходящего. Но как говорится, «менты, они и в Африке менты», поэтому всё равно, не известно под каким предлогом сорвали с Раисы денег в виде штрафа, – с непокорной овцы маленький клочок шерсти в пятьсот баксов.

Рая, надо сказать, порядком подуставшая воевать с ними,

несмотря на свой непримиримый характер, не стала тратить силы на дальнейшее выяснение отношений и сразу же переключилась на подготовку документов для получения гражданства. Но не тут-то было, российский паспорт она смогла получить лишь ещё через пять лет.

Короче, все эти мытарства могла пройти и устоять при этом только мой дружок Раиса, по паспорту Манушак. Так уж повелось, что у армян очень часто два имени, одно то, которое даёт старший в роду, в её случае это был покойный дед, ну и другое, уже официальное, которое заносится во все документы и соответственно в паспорт. Все, кто знал её с самого приезда в Калининград, долго не могли перестроиться на новое имя, но потом я дал ей ласкательно уменьшительное имя Ману, впоследствии трансформированное в Маня и оно потихоньку прижилось. На тот момент Маня была ещё наполовину Раей, что зачастую взрывало голову непосвящённым и добавляло сумятицы в делах, поэтому я очень часто сам себя поправлял при произнесении её имени. Меня же она ещё долго называла по имени отчеству, но потом по моим настоятельным просьбам я стал просто Юрием, что было вполне уместно в нашей ситуации, да и я чувствовал себя моложе.

Наши будни были достаточно бурными и взбаломошными, хлеб доставался очень непросто, учитывая то время, когда каждый проходимец в городе, именуемый в дальнейшем «работодатель», считая себя экспертом в строительном де-

ле, составлял настоящие договора с ничего не смыслящими в организационном деле лохами, именуемыми в дальнейшем «исполнителями», и на их членах въезжал в Рай.

По сути, мы с Маней тоже были недалеко от таких работодателей, хоть и пытались облечь всё в более менее цивилизованные формы, да и «ООО» у Манушак было. Эта аббревиатура в то время носила прямо-таки магический смысл и была чуть ли не разрешением на все виды деятельности. На строительные работы тогда ещё необходима была лицензия, которая стоила для нас неподъёмных денег, хотя дело не только в деньгах, у нас реально не было ни одного инженера – строителя, способного повести серьёзный объект, грамотно расставив рабочих и проконтролировав качество выполненных работ.

Все, кто приходил по объявлениям, то ли по иронии, то ли ввиду явно «рогакопытского» подтекста нашего предложения, были, как на подбор, сплошь персонажами для ненаписанных рассказов Зощенко. Поэтому воспоминания о самых первых небольших самостоятельных объектах, сейчас, спустя годы, вызывают у меня, в лучшем случае улыбку, в худшем – дрожь по телу и веру в то, что землетрясения в наших краях, довольно редки и маломощны.

Сюда же я привел и своего друга Аслана, человека, которому на то время доверял, как себе. Это уже спустя три года, он очень жёстко меня предал, нанеся неизгладимую рану в душе, но обо всём по порядку.

Дела давно минувших дней

С Асланом мы сдружились пять лет назад, в самый разгар кипучей деятельности «Руслан Фрахта», когда я, вымученный постоянными разговорами по телефону, а также непосредственно с глазу на глаз, как подкошенный, падал на диван в другом кабинете на третьем этаже того же здания (мало кто знал, что у фирмы есть дополнительный офис). Там я засыпал на час – полтора, что бы потом с новыми силами в бой. Беседы с моряками, заплатившими от пятисот долларов и больше, забирали всю энергию без остатка. Никогда бы не подумал, что негатив, идущий от обманутых людей, отдавших подчас последнее, может так разрушительно действовать на человека, оказавшегося заложником ситуации, когда его считают виновником всех бед.

По официальной версии, фирма в скором времени отправляла людей на морские суда, но по факту никаких судов не было, их еще предстояло изыскать и переговоры на этот счёт, как меня заверяли, велись весьма успешно, причём с очень известным греческим бизнесменом и судовладельцем Ласкаридисом. Они якобы уже приближались к завершению, поэтому я, искренне веря, что смогу разругать напряжённую ситуацию, продолжал агитировать новые кадры активно проплачивать будущие контракты на морских рефрижераторах под греческим флагом, чем ещё больше уве-

личивал высоту пирамиды, не подозревая на самом деле, какой огромной она уже была на тот момент.

Немного вздремнув, я тем самым приводил голову в порядок, чтобы, ни дай бог, не попутать по телефону того, кто уже заплатил, с тем, кому только предстояло это сделать, так как тексты в разных случаях, естественно, разные.

Но самое главное, я искренне верил в то, что можно выйти из этой пирамиды, на столько убедительны бывают женские слезы и рассказы о непредвиденных обстоятельствах, которые вот-вот отойдут на задний план, дав ход делу и всё пойдёт по заранее намеченному плану. Сейчас же надо немного подождать и ни в коем случае не путать фамилии, должности, суммы, даты, а главное не назначить встречу новому кандидату на время, когда он может случайно увидеться со своим двойником.

Всё это я делал в единственном числе, беря деньги с рук на руки, давая рукописную квитанцию о принятии, причём со своей росписью. И это даже не за зарплату, хотя у меня всегда были средства на жизнь, а за какую-то мнимую будущность, когда все будут рады и счастливы, а я – спаситель всего человечества, выйду к зрителям на поклон под овации, «Володугин, вот Ваш меч».

Ну ни идиот?! Сейчас, когда прошло уже немало времени, я, как никогда, понимаю, о чём пишет Вадим Зеланд, говоря, что люди спят наяву, увлечённые игрой под названием жизнь, забывая про жизнь, как таковую.

И в первую очередь, это касалось самой Тамары, только близкие ей люди знали, что на самом деле ни одной копейки из тех собранных денег, у неё не задерживалось, всё послушно передавалось дальше по эстафете. Тогда, почти шесть лет назад, в результате разборок между двумя конкурирующими криминальными группировками, пропал из сейфа огромный пакет дорогостоящих документов и немалая сумма денежных средств и всё это нужно было как-то компенсировать.

Масло в огонь добавляли постоянные и весьма немалые расходы на переговоры в Греции, куда уже третий раз выезжал наш представитель Андрей Зотов, к тому времени мой хороший приятель и, как потом выяснилось, профессиональный мошенник, посланный к Тамаре ещё одной группировкой, которых всегда бывает в избытке вокруг фирм, занимающихся подобной деятельностью.

Тамара, со всех сторон зажатая обстоятельствами, как и я, ни на минуту не имела возможности поднять головы, чтобы оценить сложившуюся ситуацию. Она, послушно играла отведённую роль, то есть была спящей наяву, это тот случай, когда ты не живешь, жизнь сама с тобой случается.

В результате имеем, что имеем. Пару сотен обманутых моряков, долгие процессуальные разбирательства, потеря психического здоровья на достаточно долгое время. К тому же она была вынуждена отдать учредителям, посчитавшим её виновницей всех несчастий, пятьдесят тысяч долларов, взятые у Манушак всего на один день, которые та в свою оче-

редь приняла, как плату за услуги по отправке нескольких десятков её земляков в Европу.

Маня обрекла себя на долгие годы мытарств вдали от родных и близких, потеряла доверие любимого человека и в конечном итоге рассталась с ним навсегда, что очень сильно скорректировало всю её дальнейшую судьбу. Возвращаясь же к Тамаре, скажу, что в довершении ко всему, она отдала за долги квартиру в центре города, тем самым значительно укоротив жизнь своей матери, да и себе, естественно, не добавив.

Судьба благоволила к ней, она смогла воспрянуть и вернуться к нормальной жизни, напрочь вычеркнув всё, что туманило разум. Господь даровал шанс выйти из страшного лабиринта, откуда не каждому удастся найти выход. Я очень люблю их обоих, Манушак и Тамару, люблю, как любил бы родных сестёр.

Отношения же Евгении и Тамары стали достаточно прохладными, особенно после того, как распалась пирамида. Женя и до сих пор считает Тамару виновницей всех напастей, которые обрушились на мою голову в этой связи, никак не беря в расчёт, что именно её показания подтвердили за мной всего лишь статус исполнителя и сделали возможным моё дальнейшее пребывание на свободе, хоть и не без помощи связей Ясы. Она никак не могла простить Тамаре, что та впутала меня во всё это изначально.

Возвращаясь к строительным будням, повторяюсь, что я

пригласил на работу Аслана в качестве мастера и бригадира в одном лице. Аслан довольно гармонично вливался в общий авантюристический настрой компании, никак иначе назвать это было нельзя. Маня хорошо его знала, равно, как и всех чеченцев, прямо или косвенно имевших отношение к деятельности «Руслан Фрахта» и поэтому от сотрудничества с ним восторга особенного не испытывала, но в отсутствии строителей была вынуждена смириться.

На тот момент Аслан для меня был другом номер один и то, что нам совместно пришлось испытать в весьма непростых, я бы сказал драматических периодах жизни, деля побратски последние деньги, а также радости и невзгоды, для меня дорогого стоило. Всё это так быстро из жизни вычеркнуть было никому не под силу, так мне тогда казалось. Это уже спустя годы, анализируя наши с ним отношения, я понял, что по сути, это только я с ним делил последнее, у него-то ничего подобного не прослеживалось, он всегда был пуст, так всегда и говорил, в очередной раз приходя к кому-то на день рождения или ещё какой-нибудь праздник с пустыми руками.

К своему старшему двоюродному брату щедрости проявлялось ничуть не больше. Например, получая очередную зарплату, он зачастую просил не говорить Ясе о том, что у него есть деньги. Я был в каком-то смятении от такого отношения, но всё же думал, что сия чаша меня минует, другими словами закрывал на это глаза, за что и поплатился впо-

следствии, никогда не надо прятать голову в песок, кругом одни камни.

Яса вёл себя радикально по-иному. Как только у него образовывалась какая-нибудь приличная сумма, тут же у всех, кто его окружал, начинался праздник, он любил их организовывать, в этом был весь Яса – настоящий кавказец, хотя почему был, он и есть.

Аслан был активен только в самом начале, но потом начал хитрить и отлынивать, став бесполезным для фирмы уже через пару месяцев и поэтому, как только я уехал в отпуск на Украину, Маня распрощалась с ним, мотивируя, что работы больше нет.

Женя и Костя, что же будет дальше?

Украинский вояж – это тема особая, но раскрывать её в этот раз не буду. Больше всего переживала конечно Женя, оно и понятно, ради неё я ушел из семьи и теперь она хотела показать всем моим родственникам, что было ради кого. Надо сказать, ей это удалось. Мы пробыли на Украине около месяца, где дни на пролет проводили в обществе мамы и конечно же Кости. Трудно сказать, какие чувства ютились у него в душе, глядя на Евгению, но вряд ли он по – хорошему тогда её воспринимал, учитывая пятнадцатилетний возраст и разговоры, которые, очевидно, велись дома по этому поводу. Мама же была искренне рада Жене, она одобряла мой выбор, я знал это точно, потому что мама не умела кривить душой. За это время мы побывали с Костей на Чёрном море в районе Евпатории, а так же съездили в Мелитополь, где жили мои двоюродные братья и сестра. Короче говоря, программа была насыщенной, скучать не пришлось.

После нашего отъезда, Костя оживился надеждой на переезд в Калининград, мы даже составили план мероприятий, поэтапно определив, что и как будем делать в этом направлении. За два года до того я купил ему компьютер, тогда ещё далеко не самый доступный атрибут в жизни наших людей,

благодаря которому, он смог стать более – менее продвину-
тым молодым человеком, неплохо ориентированным в со-
временном, быстро меняющемся мире. Это в конечном ито-
ге, по приезду в Калининград, наряду с целым годом репети-
торского тренинга по математике и физике, позволило сде-
лать возможной учебу в строительном институте, в который
он поступил через четыре года, после описываемых событий.

Но всё это будет потом, а сейчас, он очень болезненно
переживал по поводу предстоящей разлуки и, конечно же,
в душе обвинял во всех напастях Евгению, хоть и тщательно
скрывал это.

Вернувшись в Калининград, я решил в корне изменить
уклад жизни и в первую очередь это касалось способа за-
работка. Понимая, что без стабильности в этом вопросе ни
о каком приезде сына не может идти речи, я недолго думая
обратился к Малхазу, с вопросом, в силе ли ещё его предло-
жение, по поводу моего трудоустройства.

– Юра, сейчас мы уже почти закончили свою работу
на Акрополе. Видишь на площади начали рыть котлован, вот
туда с нового года и зайдёшь, пока там работает одна лишь
техника и несколько человек из числа тех, кто будет бить
сваи. Это ещё один торгово-офисный центр, по размерам
не меньше Акрополя.

До нового года оставалось ещё три месяца и вместе с Чер-
новолом я взялся делать кровлю на строящемся жилom доме.
К Манушак уже не пошёл, это было бы не совсем честно, да

и мне в конечном итоге могло помешать пойти по заранее намеченному плану.

В бригаду к себе мы взяли родственника Елены Арефьевой – злейшего врага её мужа Владимира, который к тому времени уже окончательно спился. С Леной у нас были самые тесные взаимоотношения, мы дружили уже более шести лет, с тех самых романтических выездов в парк Юрского периода, описанных в первой книге. С ней же оказался знаком и Черновол, он тоже частенько бывал на званных встречах и принимал активное участие в благоустройстве их дома и усадьбы ещё во времена, когда меня здесь не было и в помине.

Женя и Лена стали довольно близкими подругами, хотя последнее время слишком меркантильный подход к дружбе со стороны Лены, несколько остудил эти отношения. Всё-таки первые впечатления редко меня обманывают, хотя сейчас я понимаю, что эти самые впечатления, как правило, и запускали определённую программу на их подтверждение, поэтому, как рекомендует моя мама, стараюсь ничем не впечатляться, но главное, никем.

Моя мама, тот ещё трансерфер, хоть и понятия не имеет, что это такое. Являясь активным свидетелем Иеговы, (неактивных в этой организации не бывает), она очень сильно приближает второе пришествие едиnorodного Сына Бога Иеговы – Иисуса Христа, ни на минуту не сомневаясь (то есть, скорее зная, нежели веря) в пророчествах Иоанна, опи-

сывающего признаки последних дней, категорически не замечаемых главными религиозными сановниками и проповедниками основных христианских конфессий на Земле, для кого сей учебник должен быть, что букварь для преподавателя начальных классов. Я и сам, как вы понимаете, боюсь завершения действующей системы вещей, так как очевидно и бесповоротно, даже близко не подхожу под критерии тех, кто «унаследует Землю».

Возвращаясь к кровле, которую мы взялись делать с Александром, повторяю, что третьим с нами был Олег, молчаливый и необщительный, но довольно крепкий и энергичный, он был всего на пару лет моложе меня, хотя выглядел, как тридцатилетний. Несмотря на боязнь высоты и не поднимаясь на самый верх, когда плоскость кровли была уже сформирована листами ОСБ, он полностью успевал обеспечивать нас всем необходимым для работы, что позволяло достаточно быстро продвигаться к завершению.

Наши разногласия проявились с момента, когда я увидел явное несоответствие между выполненными объемами и количеством денег, выплаченных нам за эти самые объемы. Зная, на сколько такое положение вещей чревато для исполнителей, я предложил прекратить работу, пока не доплатят денег в пределах ранее оговоренного, чтобы не провоцировать фирму подрядчика на невыплату денег вообще, ведь чем больше фирма должна заплатить, тем меньше вероятность того, что она это сделает. Истина давно известная и я

думал, вполне понятная.

Но оказывается очевидные вещи, очевидны далеко не для всех. Олег обвинил меня в демагогии и нежелании работать, на все мои попытки как-то образумить ребят, в мыслях уже потративших заработанные деньги, он упорно стоял на своём и вообще проявил некоторую застенчивость, совсем не свойственную для руководителя высокого ранга, коим, по словам Елены, он был когда-то в Донецке. Я почему-то сразу вспомнил, что Володя совсем недавно стрелял в него из охотничьего ружья, правда не попал, слишком уж пьяный был. Мне стало жаль Володю.

Что бы не оказаться виновником всех бед, я отработал до победного конца ещё больше месяца, естественно, совершенно бесплатно. Саша в этой ситуации занял вообще беззубую позицию, изначально посчитав себя виновником за то, что именно он нашёл такую работу, поэтому, молча делал своё дело и мне вдвойне нельзя было уходить, это расценивалось бы, как предательство. Другими словами, мы сделали всё возможное, чтобы нам не заплатили.

Примечательно, что я мог бы разорвать эту фирму пополам руками своих друзей чеченцев, поделившись с ними, но мне было неудобно признаваться, что я лично участвовал в этом идиотстве, поэтому ничего никому не сказал. Саше и Олегу, которые тоже очевидно рассчитывали на мою последнюю инстанцию, я сказал, что для них это будет наука и не стал объяснять истинные мотивы своего бездействия.

Новый год проведя в надежде на перемены, уже третьего января я вышел мастером на «Кlover» – так назывался новый торгово-офисный центр, на котором в качестве генподрядчика производил работы ТО-44 во главе с директором Малхазом Давыдовичем Беридзе. С одной стороны это был шаг назад, с другой – хороший старт и возможность получить приличный кредит.

Так вы, оказывается, совсем работать не умеете!

С первых же дней я решил, что просто обязан произвести изменения, способные радикально повлиять на производительность, а заодно и качество работ, тем самым оправдать своё нахождение здесь, куда по несколько человек в день приходили опытные прорабы, с большим стажем, и которых Малхаз не брал, ссылаясь на то, что штат переполнен. Для этой цели я больше месяца, втайне от всех, вел записи – наблюдения за слаженностью отдельных групп производственной цепочки, где делал выводы, кого и на какие виды работ можно ставить, в какое время дня и с кем в паре. После этого решил, что пора переходить к осуществлению модернизации, меняя расстановку сил в фирме, успешно построившей до этого несколько крупных объектов в городе, не считая нескольких десятков ещё более крупных в других регионах страны.

Святая простота. Можете себе представить, какое разочарование ожидало меня в результате. Вовремя я спохватился, вернее, меня вовремя остудили коллеги. Особенно после того, как несколько достаточно толковых монолитчиков отказалось выходить на работу и заявили: «Мы вашему Юрию Михайловичу не местные бичи, которых он в прошлом го-

ду гонял по котловану на Акрополе и если он не перестанет гнать пургу, то работать больше не будем и найдем другое место, не хуже, чем грузинский синдикат с не самой высокой зарплатой, но с самым продолжительным рабочим днём».

Я был повержен и долгое время не мог прийти в себя, сокрушаясь над собственным бессилием, но потом понял, что в наших условиях и с нашим менталитетом выполнять подобные работы можно лишь так, как они сами выполняются, как ни парадоксально это звучит. В дальнейшем это стало отправной точкой во всей моей деятельности, причём не только в рамках ТО-44. И ещё я понял, что на любой большой стройке работают по-настоящему эффективно лишь десять процентов всех задействованных, остальные мало – помалу косят. Это касается, на мой взгляд, абсолютно любой сферы деятельности человека, только процент, как правило, ещё куда более скромный, поэтому в такой неразберихе, пользы от десяти процентов плюс немного от остальных, хватает, что бы как-то сдавать объекты, хоть и со сроками чисто русскими, да и с качеством, как вы понимаете, не совсем европейским. Что будет, если всё поставить на другие рельсы, – это большой, большой вопрос. Во всяком случае, тот, кто попытается предпринять подобные реформации, должен иметь огромную подушку безопасности, позволяющую выплатить заказчику множество штрафов, вменяемых и не очень. Например, за срыв сроков, неудовлетворительное качество, недополученную выгоду и прочее, а заодно

на то, чтобы сломать и построить всё заново, применяя старые принципы, удачно зарекомендовавшие себя в прошлом. Ну да и хватит об этом.

Хочешь хлеба – иди в свой магазин

За год в ТО-44, я приобрёл достаточно хороший опыт коллективного взаимодействия, научился некоторым тонкостям строительного дела, но главное, благодаря хорошему окладу, очень серьёзно поправил своё материальное положение и получил большой кредит. Я не стал скрывать от Малхаза, что уйду сразу после получения денег в банке, поэтому мой уход не был бегством и мы расстались по-доброму, оставаясь по сей день в очень хороших отношениях.

На свой хлеб я переходил, как всегда с огромной долей авантюризма в душе и надеждой на счастливую планиду. Не очень афишируя свою деятельность, я начал нелегально, как и подавляющее большинство теневых предпринимателей того времени, брать в ремонт небольшие объекты, в виде квартир и офисов, на которые подбирал вполне квалифицированных строителей, не так редко тогда ещё встречавшихся в Калининграде.

Это уже потом, по мере осваивания региона узбеками, таджиками и представителями других братских республик, эта профессия обрела скорее нарицательную, нежели созидательную окраску, становясь, прямо скажем, отстойной и непрестижной, напрочь отбивая у молодежи желание перенимать опыт и навыки профессии, способной десятилетиями кормить целые династии строителей, поддерживая уро-

вень жизни их семей на достаточно приемлемой высоте.

Для такого небольшого и изолированного региона, как Калининградская область, хватило всего десяти лет, что бы нависла угроза тотальной нехватки строителей. Очень остро стал вопрос о том, что без узбеков мы по уши увязнем в грязи среди мусорных свалок, образовавшихся посреди недостроенных городских кварталов – декорации к фильму «Апокалипсис», так как строителями работать никто не хочет, но самое страшное – уже и не может, то есть не умеет. И это при том, что такого уровня безработицы, как сейчас и особенно среди молодёжи, на мой взгляд, не бывало никогда, это если не путать официальную статистику с истинным положением вещей.

Работа шла с переменным успехом, но всё же по возрастающей. Причин тому было несколько и главная из них – это резко увеличивающаяся цена на недвижимость, показывающая по некоторым сегментам, двести процентов роста в год.

Поэтому, продолжая заниматься небольшими ремонтами и прочей мелочёвкой, я всё же отдавал предпочтение спекулятивным сделкам с недвижимостью, причём не благодаря, а скорее вопреки знакомству с нашей подругой Еленой – риэлтором с очень большим опытом, работавшей на то время в одном из ведущих агентств по недвижимости.

Напрочь забывая про дружбу, она никогда не изменяла своим принципам, деля людей на тех, с кого можно и на тех, с кого нельзя поиметь хоть клочок волос. Для меня всегда бы-

ло загадкой, как это уживалось в ней, учитывая, насколько радушно и щедро, она обычно принимала гостей у себя дома, как искренне и бескорыстно могла помогать совершенно незнакомым людям, если только это никак не касалось сделок с недвижимостью.

В работе она, не задумываясь, переступит через твой миллион, если ей будет светить хотя бы рубль и не важно, друг ты ей или нет, вот такая знаете ли странность мировосприятия. Понял я это достаточно быстро, Жене понадобилось времени немного больше, но всё же и до неё дошло, если Лена, как риелтор, участвует в сделке – это мутки и смена условий этой самой сделки в последний момент, другими словами – непредвиденные расходы.

Как бы там ни было, но через пол – года у меня появились новые знакомые, с которыми, так или иначе, я был связан по роду деятельности и с тех пор уже давно не испытывал недостатка в предложениях для очередной сделки или же выгодного подряда, как это было раньше.

Ну что, сынок, Бери свои вершины

В этом водовороте событий незаметно прошёл ещё один год. Предыдущим летом мы, как всегда, ездили на Украину и сейчас собирались опять, чтобы заодно забрать Костю в Калининград, согласно ранее составленного плана.

Ничто меня не омрачало и лишь единственным нюансом, на который я обратил внимание, это едва уловимая тревога моей мамы по поводу отъезда Кости, я не понимал от чего она не хотела, чтобы он ехал с нами. Тогда я принял это на счёт Евгении, думая, что мама сомневается, сможет ли Женя справиться с возросшей нагрузкой.

Мы приехали летом и пробыли около месяца, так чтобы на начало учебного года Костя мог поступить в какой-нибудь ВУЗ. У меня было достаточно средств, чтобы оплатить ему очное обучение, но он был категорически против, так как в отличие от всех нас и в первую очередь его мамы, понимал, что знаний ноль и вытянуть сможет только заочное, да и то, если никто ни о чём не будет спрашивать. Поэтому мы, никуда не спеша балдели на море в доме отдыха и только где-то к десятому сентября вылетели в Калининград.

По приезду выяснилось, что с поступлением всё гораздо сложнее, чем мне рисовалось. Самым главным препятствием было неясное понимание, чего же на самом деле хочет Костя. Ведь он по сути взрослый парень и желательно было всё-та-

ки определиться с предпочтениями. Мы конечно предварительно прикидывали, что скорее всего это будет строительный. Ещё раньше я узнавал, что в городе кроме строительного факультета университета никаких высших учебных заведений с этим уклоном больше нет. Поэтому, приехав в Калининград, мы первым делом отправились в универ, где нас естественно не ждали и предпочли бы никогда не видеть.

Не всё так просто и не всё решают деньги, вернее они конечно решают всё, но не любые, а только большие или, как в нашем случае, очень большие. Ко всему прочему надо было иметь на руках много дополнительных бумаг, о которых мне ранее никто не говорил, хотя я дважды до выезда был в приёмной комиссии. Костя даже обрадовался, так как одно дело хотеть учиться, а совсем другое – учиться. Такой привычки на тот момент не было выработано совсем, гораздо легче работать руками, этот вид деятельности был ему знаком и входил в зону комфорта.

Короче говоря, мы решили, что этот год будет ознакомительным и пойдёт на адаптацию к новым условиям, а уже на следующий, окончательно выберем где он будет учиться, если за это время не переиграет свои планы. Пока же будет работать у меня на ремонтах, заодно поднатаскается в отделке и прочих строительных премудростях, что конечно же потом ему сто раз пригодиться в жизни, да и в работе инженером – строителем, это не последнее преимущество.

Жил он в самой маленькой комнате, девочек мы посели-

ли в самую большую, которая раньше была нашей, сами перешли в комнату поменьше. Я очень боялся, что появиться неприязнь к Косте из-за этого неудобства, но ничего подобного не случилось, напротив, всё было весело и дружно, как говорится в тесноте, да не на улице.

Постепенно Костя втянулся в новый ритм жизни, он был очень способным подмастерьем, всему учился быстро и основательно, руки у него были на месте, да и голова без дырки, чему я был несказанно рад. В таком режиме он проработал со мной более полу года и в каком-то смысле был моими глазами, а потом уже даже экспертом, то и дело указывая на явные косяки в качестве работ, которые мне были не видны. В общем я был доволен, хоть и понимал, что пора бы переходить непосредственно к учёбе, ведь он для этого и приехал.

Меня же закрутила строительная круговерть. Не успеешь с одной ямы выбраться, попадаешь в другую, жизнь стала уходить в сторону от моих предпочтений и интересов, всё стало раздражать, мир потерял остаток красок, вернее я перестал их замечать.

И как иногда бывает в таких случаях, на меня нахлынула депрессия. Ничто уже не волновало кровь и не вызывало во мне, как прежде, энтузиазма от возможности быстро и относительно легко заработать перепродажей какой-нибудь квартирки или комнаты, которую, к тому же недорого привёл бы к европейскому стандарту. Да и разница в цене

становилась всё более разумной, от чего интерес терялся ещё быстрее. Для меня, человека, склонного к самоанализу, было очевидно – долго продержаться на этой волне не удастся, моему сёрфу нужна была новая.

Как же трудно убежать от себя. Тренируешься, тренируешься, а всё равно дыхания не хватает

Это необязательно означало бы смену деятельности, но безусловно смену декораций и впечатлений. Я своеобразно определил причину этой хандры, думая, что дела давно минувших дней не позволяют мне спокойно и уверенно идти вперёд.

Глубоко в подсознании, мне не давала покоя старая, не проходящая обида. Никак я не мог забыть события восьмилетней давности, коренным образом изменившие ход всей моей последующей жизни, не беря в расчёт, что эти изменения были скорее позитивными, чем наоборот. Вот так мы и находим неприятности на свою ..., мягко говоря, голову.

Разумеется, никто и не подозревал о той буре эмоций, всплывавшей у меня в душе время от времени, при воспоминании о кладе античных монет, грабительски отнятых у меня во время сделки в Симферополе с Виктором и Ильёй – молодыми краснодарскими ребятами, на свою беду нашедшими древнюю запечатанную амфору с золотыми монетами третьего века до нашей эры.

Монеты и деньги в сумме сто шестьдесят тысяч долларов

увез с собой одесский вор в законе Бубон вместе с тремя подельниками. Одному из них я всё же прострелил ногу и держа под прицелом всю компанию в последний момент, дал возможность Виктору высвободиться из удавки, накинутаой на шею вместе с приложенной к горлу бритвой. Мы, к тому моменту уже изрядно избитые были естественно не готовы противостоять этой банде и я, понимая, что не удастся выйти из этой ловушки без потерь, практически самолично отдал им сто шестьдесят тысяч долларов с небольшим, которые лежали в тайнике, находящемся прямо в стене дома. Монеты были уже у них, поэтому добившись своего и больше не испытывая судьбы, они умчались восвояси с раненым подельником, боясь, что на звук выстрела кто-нибудь уже вызвал милицию.

Один из числа тех, кто приложил ко всему этому руку, был, на мой взгляд, Александр Цинклер, очень опытный и знающий специалист по антике, обладатель богатейшей коллекции монет, а также произведений искусства разных периодов, сейчас он уже находился в мире ином.

Другое же действующее лицо, как я считал – это Пётр Григорьевич Шеин, обладатель уникальных раритетов эпохи эллинизма, хозяин сети ломбардов и антикварных магазинов, соучредитель нескольких ювелирных бутиков в самых престижных местах города Одессы. И находилось это лицо в добром здравии, что на мой взгляд, было совершенно несправедливо и требовало определённой корректиров-

ки, с него то я и решил востребовать потерянное тогда в Симферополе.

За время нашего знакомства с Ясой я много раз упоминал Одессу, нередко ставя её в противовес Калининграду, учитывая сферу обслуживания и в особенности инфраструктуру прибрежной полосы. В той или иной мере Яса был в курсе и того, что у меня там произошло. Как-то, года два назад, он между прочим заметил, что если бы мы были на то время знакомы, всех тех неприятностей можно было бы избежать, так как один из ключевых постов СБУ Украины по городу Одессе занимает друг его родного брата Тимура. Их дружба возникла и крепла в период первой чеченской войны, ещё во времена Дудаева. Тимур был одним из действующих боевых командиров и в тесной связке сотрудничал с майором СБУ, которого к нему прикомандировала эта служба. После известных событий этот майор резко пошёл вверх и был отправлен в Одессу, где по словам Тимура приподнялся ещё больше, основательно подмяв значительную часть криминалитета и теневого бизнеса, коим, по сути, весь бизнес и являлся. Все эти процессы так или иначе происходили на всём пост советском пространстве и ничего удивительного в этом не было. Напротив, прослеживалась определенная закономерность, а также аналогичность с похожими регионами России, такими, как Калининград, Владивосток, Сочи, Мурманск и прочие, где от бандитов, в их первоначальном виде, и след простыл. Те из них, кто не хотел примириться

со сменой власти, давно почили, иных уж нет по причине ухода в легальный бизнес, не считая тех, кто вошёл в эту самую власть, под видом помощников депутатов, а также самих депутатов, сумевших даже в этом эшелоне навести порядок по понятиям, думаю, если кто-нибудь из калининградцев прочтёт эту книгу, поймёт, кого и что я имел в виду.

И вот сейчас в моей голове начинал формироваться план установления исторической справедливости. Без тени сомнения в своей правоте и всё с той же надеждой на возврат хоть части потерянного несколько лет назад, понимая, что цена всего сейчас была бы в разы больше, я принялся обдумывать план мести, ну чистый тебе граф Монте-Кристо, только с голой задницей.

Теперь нужно было правильно расставить всё по своим местам. Найти человека, способного заменить меня на пару тройку месяцев, чтобы рабочие не разбежались, ввести его в курс дела, познакомить с партнёрами, а также поставщиками нужной информации и прочее, прочее, прочее. Самое главное – это конечно же Женя, ей нужно было бы достаточно вменяемо объяснить причину моего отъезда на неопределённое время, я ещё не придумал куда.

Что касается человека, которому я мог бы поручить свой бизнес, это, естественно, был Аслан, так же, как и Яса, он изначально знал мои задумки, даже тогда, когда план был ещё совсем зыбким и вызывал слишком много вопросов у человека здравомыслящего. Но здравомыслие не было моим

коньком на то время и поэтому ничто и никто не смог бы остановить меня, а тот факт, что главными советчиками и наставниками в предстоящей операции для меня были чеченцы, представители народа, не понаслышке знающего, что такое месть, народа, выжившего в таком жестоком мире исключительно благодаря этой древнейшей традиции, стал определяющим, в нём я увидел знак свыше.

В первых пунктах плана для меня был пробный выезд в Одессу и ознакомление с положением дел на месте. Конечно в этой ситуации было бы не плохо опереться на кого-нибудь, хотя бы в общих чертах знающего конъюнктуру и главное действующее лицо, меня интересующее, то есть Петра. Надо было бы воочию убедиться в возможности осуществления задуманного, а там по месту составить уже более подробный и поэтапный план.

В этой связи не плохо бы выйти на вдову Сашу Цинклера Клару, ей сейчас, как и мне, за пятьдесят. В свое время она с подлинным интересом поглядывала в мою сторону, но со дня нашей последней встречи прошло уже более девяти лет и конечно же от былой симпатии могло не оказаться и следа. Да и скорее всего она замужем, так как была довольно эффектной и привлекательной дамой, к тому же деньгами не обиженной. Впрочем, этот факт никак не мог бы меня остановить, главное, чтобы она не знала о том, что произошло в Симферополе, хотя Саша никогда не делился с женой своими проблемами, равно, как и она с ним. Единственной

угрозой в этом смысле мог быть их сын Борис, в то время он живо интересовался делами отца и тот всячески поощрял этот интерес. Хотя и мало вероятно, что он стал бы посвящать сына в откровенно криминальную историю с возможностью мокрого финала.

Конечно же меня приводила в животный трепет и мысль о том, что возможно я увижу Светлану, женщину – праздник, так я охарактеризовал бы её сейчас, когда прошло уже столько лет с нашей последней встречи и тоже, как вы понимаете, от былой любви могло ничего не остаться, чем лично я был бы немало огорчён.

Самые противоречие мысли всплывали у меня, когда я представлял себе морально – этическую составляющую предстоящей вендетты, ни на минуту не желая усматривать в ней всё того же неуёмного стремления разбогатеть сразу и навсегда, причём за чужой счёт. Я гнал от себя мысли о том, что очень похож сейчас на жадного ф्राера из известной поговорки.

Только где-то очень глубоко внутри щемило, как в таких случаях принято говорить, сердце. Мы давно разучились слушать эту подсказку, называя её, как угодно, только не голосом совести, в наших оценках часто именуя волнением перед чем-то очень важным, игрой нервов или же просто слабостью здоровья, но никак не голосом души, робким шёпотом Бога внутри нас. Так и я тогда посчитал, что животный трепет и томление сердца у меня были, как я уже сказал, со-

всем в другой связи.

Начало положено, каков же будет финал?

Для начала я попросил Ясу связаться с Тимуром, который, на то время, жил в Бельгии и поинтересоваться его другом из Одессы. Яса довольно быстро навёл мосты и уже через неделю у меня появился телефон полковника СБУ с необходимыми рекомендациями от Тимура. Как говорится – назад дороги нет.

Самое трудное – это, как я уже сказал, объяснение с Женеи. Я хоть и мастер спорта по отмазкам, но на пару месяцев выезда, причины мне найти не удалось, поэтому решение нашёл простое, – еду всего на неделю в Казань, чтобы ознакомиться с образцами новых станков по изготовлению тротуарной плитки.

Косте тоже надо было бы как-то объяснить причины отъезда, тем более последнее время он явно сник и закрылся в себе.

– Сынок, я отъеду не на долго, может на пару неделек, не больше, ты не скучай и займись чем-нибудь прикладным.

– Например? – совсем безучастным голосом спросил Костя.

– Попробуй поднять в интернете те же материалы по математике для вузов, словом то, что тебе может как-то пона-

добиться, а не просто лукать на голых баб, – постарался я перевести на шутку наш диалог.

– А кто тебе сказал, что я на них лукаю, – он отреагировал излишне резко.

– Да это так, фигурально выражаясь, я же лукаю и ничего, поэтому не исключаю, что и ты можешь, просто делу время, по телу час.

– Ну хорошо, сейчас всё брошу и займусь математикой, – подчёркнуто недружелюбно ответил Костя и мне захотелось сразу же нагрубить ему в ответ, таков у меня характер, но то, что сейчас в дорогу и возможно предстоит длительная разлука сдержало меня от взрыва негодования.

Представив Аслана своим рабочим, как человека, чьи распоряжения они должны выполнять в моё отсутствие, я увидел недовольство на их лицах, тем более ещё раньше, в разговоре с бригадиром, выяснилось, что с кавказцами да и вообще с нерусскими они не работают, уж не знаю, что могло быть причиной столь категорической нелюбви, но факт был на лицо, – ребята были явно не в восторге и это внушало тревогу.

Пришлось познакомить Аслана и с некоторыми поставщиками нужной информации, через которых я находил объекты. Главной и неповторимой среди них была Галина – сотрудница департамента Юстиции, кстати сказать, давняя приятельница моей Жени, с которой она свела меня ещё на заре нашего знакомства. Я детально рассказывал подроб-

ности той встречи в первой книге и конечно же наша с Галей связь для Жени была под большим секретом, хоть я и не волновался об этом. С тех самых пор Женя и Галя больше не общаются, приятелем, если так можно сказать, теперь был я. Очень часто в качестве дополнительной опции она предлагала мне встречу на втором этаже своей полусказочной мансарды в обществе одной – двух молоденьких девиц или женщин постарше, где только она их находила. Просто диву даёшься, сколько женщин склонны к такому сексу, и все такие красатули, очуметь! Её, прямо, таки маниакальная тяга к бисексуальным отношениям с годами прогрессировала, ну а с меня, сами понимаете, как с гуся вода, то есть не убудет.

Так вот через Галю я всегда брал очень выгодные заказы на ремонт, причём без особых проблем с предоплатой. Аслана же познакомил с ней на тот случай, если совсем уж задержусь и люди на какое-то время окажутся без дела. Денег оставил с перекрытием, чтобы не создавать лишнего передаточного звена между ним и Женей, их вполне хватало, чтобы закончить квартиру, ремонт которой уже подходил к завершению.

Итак, я лечу в Одессу, на дворе середина мая, за бортом авиалайнера Москва – Одесса минус сорок три, полёт нормальный, прилет в двенадцать сорок пять по киевскому времени. Сердце всё также щемит, я уже достаточно подустал, выпить бы что-нибудь от этой ноющей боли, как не кста-ти проблемы со здоровьем именно сейчас, хотя они никогда

не бывают кстати.

В руках книга «Трансерфинг реальности», купил в дороге. Неудобно, что толстая, но чутье почему-то выбрало именно её, может из-за автора, всегда с восторгом вспоминаю Веллингтон, вообще считаю Новую Зеландию самой живописной страной на Земле.

Да, неплохо пишет, слог легко ложится в голову, читаю на одном дыхании. Спорно всё конечно, но в то же время концепция неоспоримая, причём ни с какой стороны. Хочешь бога – на тебе бога, черта хочешь – так и он есть в сценарии, в поле вариантов какого только черта нет. А главное мысли мне до боли знакомые, надо вспомнить, может это мой псевдоним, Вадим Зеланд. Как бы там ни было, но похоже это одна из тех немногих книг, которые я дочитаю до конца, поэтому, наверное, так и умру неучем.

В аэропорту дождь и всего десять градусов, да, недружелюбно меня встречает Одесса – мама, ну что ж, у природы, оказывается, есть и плохая погода. Еду в гостиницу, сегодня надо успеть побывать ещё и на Дерибасе, да и на «молдаванке» не мешало бы.

Какой божественный запах разносится повсюду и это при том, что дождь, а если бы солнечно? С ума тогда можно сойти от запахов весны. В Калининграде никогда так не пахнет, хоть садов и прочего цветения там не меньше, какой ни есть, а он север. Запахи юга, они особенные, это запахи моего детства.

Гостиница довольно неплохая за такие деньги, хотя это я наверное ещё не привык к украинским гривнам, пока что для меня всё просто супер дёшево, а вот и девочка при отеле.

– Работаешь, красивая?

– Да, дяденька, а Вы откуда будете?

– Для твоего бизнеса, я так понимаю, это имеет решающее значение.

– Да нет, лишь бы человек хороший попался.

– Ну и хау матч для хорошего человека?

– Стандарт.

– Опции тоже стандартные или есть эксклюзив?

– Я не поняла, Вы только расспрашивать будете или у Вас есть практический интерес?

– Вот теперь узнаю настоящую Одессу, а то грешным делом подумал, что по ошибке в Лондон залетел.

Девушка хмыкнула и отвернулась, давая понять, что разговор закончен.

Я перекусил в кафе на первом этаже гостиницы и не теряя времени отправился в первый антикварный магазин Петра, который располагался, как я уже сказал, на улице Де-рибасовской, решив по дороге купить какой-нибудь прикид на голову, чтобы не узнали и дождь в этом случае был мне на руку. Делал я это скорее по инерции, так как за годы моя внешность изменилась на столько, что даже страшно смотреть в зеркало. Челюстно-лицевая операция по выравниванию носа и наружных костей напрочь изменила фас, да

и профиль тоже. Если учесть, что я стал очкариком, добавил в весе пятнадцать килограмм, отпустил седую бороду и просто тупо постарел, можно было бы ничего не менять в облике, он был неузнаваем. Да, было бы не плохо повстречать Ларису, эту сногшибательную женщину, мечту самого изысканного гурмана женской красоты, но только не сейчас конечно, сейчас нужно быть неузнаваемым, а с ней мы знали друг друга не один год.

О-о, как всё у вас тут запущено!

Я зашёл в помещение магазина, до боли мне знакомое. Ничего особенно здесь не изменилось, ну разве что стены, они стали другого цвета. Магазин был одновременно антикварным, ювелирным и комиссионным, также здесь находился оценщик ломбарда. Всё, как всегда, во всех магазинах Петра. Всё, кроме сотрудников, никого из прежних я здесь уже не увидел, вместо радости, получив подлинное разочарование. Хотя ничего странного в этом не было, всё меняется под солнцем палящим, если верить Соломону. Я намеренно долго ходил вдоль прилавков, иногда задавая вопросы, которые показывали определённый уровень компетентности, что до экспонатов, многие из которых мне были хорошо знакомы. В зале было достаточно многолюдно, в основном за счёт зевак, приехавших сюда из других регионов и осуществляющих дневной променады по самой именитой улице Одессы. Поэтому четыре красивые, молодые женщины модельной внешности от тридцати пяти до сорока, которых не совсем правильно было бы назвать продавцами, не особенно заморачивались на посетителей, понимая, что подавляющему большинству из них до смерти не заработать даже на совсем мелкие безделушки, незаслуженно забытые на самой незаметной витрине самого далекого зала. И конечно же внимание целиком было обращено на меня. Они ве-

ли себя абсолютно правильно с точки зрения канонов и инструкций, которые в своё время ввёл Пётр.

А инструкции были таковы: если посетитель целенаправленно и планомерно останавливается возле нескольких действительно ценных раритетов, а это, в отсутствие ценников, никак не может быть случайным, к нему надо проявлять повышенное внимание и неважно, во что он одет и как пострижен, тем более, что настоящие ценители старины, как правило, на это обращают не слишком много внимания. Исключение составляет обувь, она должна быть дорогой и элегантной, хоть этот критерий и общепризнан, он довольно часто используется во многих первичных тестах на пригодность, как при приеме на работу, так и при выборе мужа или жены, любовницы или подруги любовницы, а также сестры подруги любовницы или дочери сестры подруги любовницы.

– Эту копию, мне кажется я уже где-то видел. Таких «Купчих за чаем» достаточно большое количество по белу свету бродит, кто её написал?

– Что Вы, у нас только оригиналы, – тут же отреагировала на мои слова высокая, под метр восемьдесят, голубоглазая фея с глубоким декольте, от которого у меня начинала кружиться голова.

– Милая девушка, при всём моём уважении к вашему заведению и почитанию лично Ваших женских достоинств и красоты, я никак не могу допустить и мысли о том, чтобы в антикварном магазине, пусть и не самом захолустном,

пусть и при наличии нескольких охранников весьма внушительных размеров, будут храниться Кустодиевские холсты, купленные или, что ещё более романтично, выкраденные из здания Русского музея, причём где-то около полутора часов назад, не позже, иначе новости об этом уже во всю трубили бы по всем телеканалам мира. Нет, это несомненно копия, но уж очень талантливо выполненная и я хотел бы знать, кто автор.

На лице моей феи застыла улыбка, было видно, что она не так давно работает здесь, понимая, какой прокол сделала, теперь она в замешательстве искала выход из создавшегося конфуза, но на ум пока ничего не приходило. И тут из дверей ломбарда, очевидно из кабинета директора, который, как я знал, смежно находился за ним вышла молодая женщина лет сорока пяти на высоченных шпильках и в облегающем платье. Боже праведный! Это была Лариса.

– Я прошу прощения, дело в том, что Зоя только две недели у нас работает, а вообще это скорее моё упущение, что консультанты в салоне не имеют элементарных понятий в области культуры и искусства, – от меня не ускользнул её гневный взгляд в сторону несчастной Зои, которая вмиг стала на десять сантиметров ниже, да и в объеме груди как-то сразу поубавилась. Лара смотрела на меня смело, не отводя глаз, я подумал, что слава богу она меня не узнаёт, но вдруг она прыснула и сквозь смех спросила:

– А зачем тебе эта нелепая шутовская пятиуголка на го-

лове, Юрий, что это за маскарад? Борода то хоть твоя? Можно я потрогаю, она тебе очень идёт и вообще, я очень рада тебя видеть.

Да-а, вот это прокол, так прокол. Буря противоречивых мыслей пронеслась у меня в голове. Я не знал, как себя теперь вести. Было очевидно, что она поддерживает давнюю связь с Петром, иначе бы её здесь уже давно не было, похоже она всё так же за старшую и конечно же Пётр уже сегодня узнает обо мне, если прямо сейчас не рассматривает в монитор, находясь всё в том же кабинете.

Я неловко потянулся к Ларисе, она приняла это, как желание сделать дружеский поцелуй и поэтому быстро чмокнула меня в щёчку, слегка прихватив за локти. Со стороны это было, как если бы ветеран труда, учительница начальных классов Нина Евстигнеевна перед уходом на пенсию поцеловала отличника Петю Скворцова из 1-Б за букет пионов, которые тот вручил ей на прощальной линейке, во всяком случае если смотреть в горизонтальных проекциях, уровни те же, ввиду разницы в росте и огромных каблучков Ларисы.

— Ну что, пошли попьем кофейку, сюда, в кафе напротив, или лучше в офисе, у меня там есть ещё кое-что, как у тебя со здоровьем, употребляешь хоть немного?

— Я употребляю всё, что и употреблял раньше, кроме табака, а иногда, прямо скажу, очень даже зло употребляю, а почему ты спрашиваешь, плачевно смотрюсь даже на фоне антиквариата?

– Напротив, твоя нынешняя внешность делает тебя более сексуальным, а говорю так, потому что почти все мужики, как с ума посходили, не пьют, не курят и курочек не топчут – она звонко рассмеялась, лукаво глядя на меня.

Я совсем не узнавал её. Движения, манеры, голос, даже смех стал другим, эта раскованность была совсем не присуща ей ранее. Чувствовалось, в жизни Ларисы произошли достаточно серьёзные изменения и конечно же не в худшую сторону.

Было очевидно, что Петра в офисе нет, да и последние слова «у меня там есть», означали то, что она считает себя здесь хозяйкой, а это вообще ни в какие ворота.

– Я с удовольствием, Лорочка, ведем в номера.

– Ты зайди с офисного входа, не хочу, чтобы сотрудники видели, как я вожу своих знакомых через ломбард, сама их гоняю за это.

– А что тебе скажет Пётр? Не думаю, что он будет в восторге от твоей затеи.

– Забудь об этом. Всё, обходи со двора, жду тебя в офисе.

Легко придание

Пока я обходил здание в моей голове проскакал табун мустангов. Что же произошло здесь за эти восемь лет, неужели Пётр уже не при делах и как мне истребовать теперь своё, вдруг он ласты засушил? Хотя вряд ли, он здоровьем обижен не был, ни одного дня не курил, практически не пил, бегал трусцой каждое утро. Может завалили? Это как раз очень даже возможно. И в этом случае я приехал напрасно, хотя она бы мне сразу так и сказала, значит что-то другое.

Зайдя в офис, любой смог бы догадаться, что здесь правит женщина. Масса безделушек, чистота, как в квартире – музее Елены Малышевой, запах дорогого парфюма и прочее, прочее, прочее. Хотя у Петра тоже был порядок, но здесь вообще всё идеально.

– Проходи, усаживайся, ты наверное не был здесь лет пять, не меньше.

– Непосредственно в этом офисе я не был лет десять, в Одессе – девять.

– А что так, ты сменил деятельность? – она достала из старинного серванта красивую, под старину, посуду, выложила из холодильника сыр, ветчину и ещё какие-то деликатесы, затем разлила красное вино и протянула мне фужер.

– Со свиданьем, Юра!

– Быть добру, Лариса, – мы выпили.

– Какими судьбами оказался в наших краях, ты же по-моему жил где-то в Днепропетровске?

– Да, и живу там поныне, а заехал сюда по делам фирмы, у нас здесь партнёры по бизнесу, надо перетереть кое о чём не по телефону, возможно задержусь и возможно надолго.

– А что за бизнес?

– Металл, чем же ещё можно заниматься в краю марте-новских печей и прокатных станов.

– О-о, серьёзные ребята, у нас те, кто на металле только и отовариваются.

– Ну, мы то, как раз, более приземлённые ребята, поэтому отовариваемся в других бутиках, на ваш антиквариат только посмотреть приходим, я лишь редкое исключение. Ты лучше скажи, как тебе удаётся время делать своим союзником?

– Ой, не льсти, я знаю, что постарела, как ломовая отработанная лошадь, да и как тут не постареть с этими матрёшками, ничего не знают и не понимают, а если рот откроют – ховайся, обязательно что-нибудь отмочат, ну ты же сам видел сейчас. Я когда брала этот бизнес, не подозревала, что он меня в могилу сведёт, думала, что в сказку попала, хоть и была практически в курсе всех дел Петра, ну ты же помнишь. А когда стала хозяйкой, тут и поняла по чём фунт лиха.

– Я, как ты понимаешь, не могу не спросить, а что собственно случилось, что это за Малиновка такая, где так быстро меняется власть?

– Ой, как я не люблю об этом говорить, но всё равно, не я,

так другие тебе расскажут и вообще странно, что ты до сих пор не знаешь этой истории. Пётр отдал мне этот магазин пять лет тому назад. У него были серьёзнейшие проблемы с законом, которые он сам же себе и организовал, ты ведь в курсе каким высокомерным и заносчивым он был.

– Ты говоришь о нём в прошедшем времени, он что умер?

– Для меня умер, потому что горя я от него хлебнула – дай дорогу. Сначала заставил меня продать дом, квартиру и дачу, шантажируя, что потянет за собой на зону, даже машину я тогда продала, а потом, когда нужно было избавляться от имущества, подарил мне это помещение со всем гамузом, но с последующей отдачей, когда страсти стихнут. Я тут такого натерпелась от ментов и бандитов, а он, падла, в своей Турции прятался, потому что практически там и жил, и золото всё оттуда, у него в Анталии несколько квартир и жена, тоже говорят не одна. Мир не без добрых людей, мне помогли справиться с проблемами, и как ты понимаешь, не за красивые глазки. И тут наш петушок вернулся, как ни в чём ни бывало. Где, говорит, выручка за восемь с половиной месяцев. Ну, здесь я уже не выдержала, вспомнила ему всё сразу. Ты когда, говорю, деньги собираешься отдавать, в следующей жизни? А расходы, которые я понесла, пока ты там свою задницу прятал? Знаешь, хоть приблизительно, сколько это? А нервы, напрочь убитые, ты мне восстановишь? Ну-ка вали отсюда, что б я тебя больше здесь никогда не видела. А ребят я себе в охрану набрала о-го-го каких, вылетел,

как пробка. Тут беды мои только и начались. Связи у него везде, выше крыши, тем более, что по приезду из-за границы он стал депутатом, вот настолько всё вокруг продаётся, хотя конечно за последнее время из-за такого необузданного самолюбия даже покровители начали остывать, иначе никто и никогда не смог бы подкопать под него. Но всё равно старый друг лучше новых одного, тем более, когда этот один – баба, и не известно, что у неё на уме, и будет ли она исправно платить дань. Короче говоря, всё те же добрые люди помогли мне и с этой проблемой. Тут включилась античная мафия, а ты, как никто знаешь, что это такое. Ездил в Киев к Гураму, ничего, нормальный мужик, выслушал спокойно, принял дар, как за себя кинул, выразил надежду на плодотворное сотрудничество и уже только после этого всё более – менее начало устаканиваться. Хотя живу, как на пороховой бочке, Пётр ведь не из тех, кто просто так успокоится, знаю, что готовит план возврата салона, он ещё при силе и при влиянии, нет-нет да и подсылает своих агентов вынюхивать, как тут у меня дела. Я и тебя бы заподозрила, если бы не знала, что ты его на дух не переносил. Вот такая история невесёлая, хотя кому как. Ну, давай по второй, а то я, наверное, тебя уже утомила своей болтовнёй.

Да-а, если бы мне не было уже достаточно много лет и я не знал бы всех действующих лиц этого детективного романа, я бы наверняка принял всё за чистую монету, а так, разумеется, ни фиги я во всё это не поверил. Вернее, поверил,

но отчасти. В этой истории явно просматривалось лишь одно – Лариса сменила хозяина, вернее Ларису забрал другой хозяин. И кто же этот «добрый человек», способный вот так быстро и просто отжать столь лакомый кусок у Петра? Я, как вы понимаете, сейчас имел в виду салон, ну и Лору отчасти.

– Лорочка, я хочу выпить за тебя, даже не знаю, как выразить своё восхищение тобой и всем тем, что я сейчас услышал. За самую мужественную из самых женственных особ в мире!!! За тебя, Ника!!!

– Ой, Юрка, ты вечно со своими подколками, зря ты иронизируешь, всё было действительно довольно героически, – со смехом сказала Лара.

Незаметно перейдя на другой возрастной рубеж, она оставалась чертовски эффектной и красивой, с той притягательной, я бы сказал, какой-то загадочной сексуальностью, которая свойственна женщинам после сорока пяти, так что даже трудно сказать, в каком возрасте она была бы более желанна для меня, равно, как и для любого другого мужчины, хотя бы иногда, хотя бы в мыслях своих, дерзнувших на секс с таким идеалом.

На время мы перешли на ничего не значащие темы. Я, как всегда, прошёлся по её внешности, без единой надежды на близость, скорее, чтобы не оказаться бестактным, затем заговорил о предстоящем лете и наконец о погоде, дождливой и недружелюбной, совсем нетипичной для этого майского времени в Одессе.

– А какая погода сейчас в Днепре, также дождливо?

Ох ты блин! А какая же там погода?

– Ты знаешь, я сейчас еду из Польши, почти из самого побережья Балтики, там погода просто чудо.

– Да-а? Ты смотри, какая у тебя интересная жизнь, по заграницам разным мотаешься, что там тоже нашим металлом интересуются?

– Интересуются, и не только металлом, и нашим лесом, и нашим газом, ну и нефтью нашей соответственно.

– Никогда не знала, что у нас есть газ и нефть на продажу, мне всегда казалось, что нам самим россияне кислород, то есть углеводород, перекрывают.

Ну надо же, что-то я расслабился, язык без костей, пора быть серьёзней, замахнулся на такие дела, а сам веду себя, как баба базарная, никак не войду в роль украинского бизнесмена с криминальным оттенком.

– Не столько речь идёт о газе, сколько о лимитах на него, короче говоря, это дело скучное, ты мне лучше скажи, а как там поживает семья Саши Цинклера, чем занимаются, живут они в том же доме?

– Ну как ты наверное знаешь, Саша умер лет семь – восемь назад, при довольно загадочных обстоятельствах, все поговаривают, что его заказали, хотя официальная версия – больные почки. Довольно странно, ведь по сути он был человеком – душкой, и нашим и вашим, ну да ты его знал лучше, это же он ввёл тебя в этот круг. Что там могло про-

изойти...? Возможно он стал свидетелем чего-нибудь такого, о чем не говорят, а может действительно почками страдал. Хотя Кларка, когда забирала весь Сашин товар из салона, говорила, что ничем похожим он никогда не болел. Короче, тайна за семью печатями.

– Ну а что его семья, как они поживают теперь?

– Бориса вижу часто, бывает здесь чуть ли не через день, по-моему он агент Петра. Продолжает дело, которым занимался отец – антика и предметы старины, поэтому естественно в близком контакте с Петром. Растолстел, как и папаша, женат уже третий раз и от каждого брака по одной дочке. С матерью конфликт страшный на почве наследства, так-так было, что делить. Кларка нет-нет приносит что-нибудь продать по мелочи, рассказывает, какие он ей козы мочит. Она обитает в том же особняке, вместе с первой невесткой Анной и внучкой – чтоб я так жила, ситуация довольно нетипичная. Борису она купила трёшку где-то здесь, в центре, а сама занялась сводничеством, ну не в примитивном смысле конечно, у неё брачное агентство. Всё приходит, меня фалует, а я ей говорю: «Ты себя сначала определи в чьи-нибудь руки, а потом и за меня принимайся». С Петром у неё контакта нет, я это точно знаю, она просто его боится, неосознанно как-то, беспричинно, хотя это большой вопрос – беспричинно ли. Ну что, давай третий тост, моряк.

– И это знаешь, ей богу, ты меня удивляешь.

– Так а кто этого тогда не знал, все наши девочки про-

сто в замешательстве были, как, дескать, можно стремиться в какое-то море, сидя на сундуке с деньгами, Петя всем рас-трепался, а ему наверное Саша.

– Ну, ни такой это был и сундук, и не так уж и сидеть.

– Ты мне говоришь... , я тебе говорю. Всё это я понимала, как никто, да и бабам нашим тогда, когда ты уже жил где-то в Крыму, сказала, что человек, наверное, себе жизнь спас, уйдя из этого осинового гнезда.

Собака берёт след

О-па-на! Сейчас главное не зацепиться за эти слова! Вернее, не задать вопроса на этот счёт.

– Да, пожил за это время в разных местах, но в Крыму лучше всего, знаешь какие красоты, да и море гораздо теплее, чем здесь, опять же ничем и никем не испорченная экология. Бывала, надеюсь, в Крыму?

– Да, приходилось бывать в Гурзуфе, а в детстве в лагере в Алуште, умопомрачительные места! А так из Одессы никуда не выезжала, разве что несколько раз в Турцию с Петром, да ещё пару раз в Египет, а сейчас так и вовсе безвылазно себя на цепь посадила.

– Вот и я того же мнения про Крым, – не давая ей переключиться на другую тему, продолжил я, – проснешься утром, а на дереве прямо у окна белка сидит.

– Где это белки у тебя на окнах висели, может это «белочки» были, – она улыбнулась?

– Да я и сам так сначала подумал, а потом вспомнил, что за делами не расслаблялся уже пару – тройку месяцев и успокоился. А с белкой той мы потом подружились, она даже с рук у меня научилась еду брать, я очень переживал, когда она, вдруг, куда-то исчезла. Но это и немудрено, замуж вышла наверное, там их тысячи по всей округе, такое место, оно самое замечательное в Крыму.

– Ну и где такое замечательное место?

– А ты как думаешь?

– Ну, мне по-моему говорили, что ты живешь не на побережье, а в Симферополе.

– Да, у меня там был дом, по наследству от деда, но находился постоянно я на мысе Сарыч, это то место, где в девяносто первом держали под арестом Горбачёва. В Симферополе меня никто не мог бы видеть, я появлялся там всего несколько раз, так что ты наверное что-то напутала.

– Ничего я не напутала, это был кто-то из твоих знакомых и хотел узнать у меня твой адрес в Симферополе, тогда я только об этом и услышала. Он ещё сказал, что хочет что-то очень важное сообщить, но я тебя не видела после того, да и до того уже месяцев несколько, как ты пропал с горизонта. Я ещё потом у Петра спрашивала и помню, что он очень удивился про Симферополь и сказал, что не испытывает особого разочарования по поводу твоего исчезновения.

Да, картина не совсем понятная. С одной стороны, если меня пасли люди Петра, при чём тут какой-то мой знакомый, пришедший спрашивать обо мне к его любовнице. Это совершенно очевидно, что они не связаны между собой, но обладали одной и той же тайной информацией. Ни хрена себе, конспиратор.

– Скажи, Лорочка, а ты раньше никогда не видела этого человека? Дело в том, что я при загадочных обстоятельствах потерял одну вещицу и думаю, что он, наверное, хотел дать

мне информацию именно по этому поводу. Вещица та до сих пор имеет для меня колоссальное значение и конечно же я хотел бы попытаться найти её, а значит было бы не плохо встретиться с этим джентльменом.

— Юра, я видела его несколько раз до этого и пару раз после, но не могу тебе сказать кто он и откуда, тут их тусуется десятками, но точно знаю, что ни Петра, ни другого кого-нибудь из его окружения он не знал, иначе бы ко мне не подходил. Слушай, мы что пить больше не будем?

— За тех, кто в море, раз ты знаешь про третий тост моряка, — мы выпили.

— Да как тут знать не будешь, столько лет с моряком водилась. Он ведь не всегда был таким. Начало было просто шик. Это уже потом всё закрутилось с неудержимой силой. Деньги, они ведь не красят человека, ты надеюсь не станешь спорить или у тебя есть свое мнение на этот счёт?

— У меня такое мнение, давай лучше я буду наливать, а то даже неудобно, получается, как в той сказке про аленький цветочек, там тоже красавица ухаживала за одним кентом, страшным, как моя жизнь.

— Ты наверное хочешь комплиментов, вот мужики, комплименты любите больше баб.

— Нет, я баб люблю больше комплиментов.

Она залилась хохотом:

— Ну ты всегда умел меня развеселить, юморист.

— Старался, Лорочка, ты же знаешь, как за тобой все уви-

ваются, а я, что импотент по-твоему, — я налил в фужеры и подал ей, — За тебя! — и мы практически сразу же выпили.

— Ты знаешь в чём беда всех красивых баб? А я тебе скажу, — в их долбанной красоте. Подойди ко мне в те времена хоть один нормальный мужик и скажи: «Лариса, будь моей, я увезу тебя на край света, где мы будем жить долго и счастливо» и я полетела бы на этот край. Так нет же, ходили только слюни пускали.

Было видно, что она говорила искренне, без рисовок, она уже могла себе это позволить. Как часто мы придумываем всякие ограничения, накладывая их на себя, боясь, что кто-то дурно о нас подумает и таким образом лишаемся той бесценной привилегии данной нам от рождения, привилегии быть самим собой. Только те немногие, кто в этом сумасшедшем и безжалостном мире может позволить себе оставаться самим собой всегда и при любом раскладе, способные взламывать стереотипы и устои, (прошу не путать с моральными), обретают счастье, не задумываясь, истинное оно или нет и не разглагольствуя об этом, как сейчас это делаю я.

Как бы там ни было, но я предпочёл не возражать Ларисе, тем самым усилив значимость всего того, что она сейчас сказала. Я намеренно повесил паузу, дав Ларе насладиться её вердиктом, чем ещё более приблизился к ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.